

ФЕЛЬТОНЪ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Вѣстникъ Европы», мартъ—апрѣль; «Русская Мысль», мартъ—апрѣль; «Книжки Недѣли», мартъ—апрѣль; «Сѣверный Вѣстникъ», мартъ—апрѣль; «Русское Богатство», мартъ.

Въ послѣднихъ книгахъ ежемѣсячныхъ журналовъ закончились многія большія произведенія. Кончился въ «В. Е.» романъ Боборыкина «По-другому». Героиня романа, декадентка или «уладочница»,—какъ она себя называетъ,—очутившись безъ средствъ къ жизни, рѣшилась на самоубійство, такъ какъ не чувствовала себя въ силахъ приняться за грубый трудъ изъ-за куска хлѣба! Авторъ, видимо, самъ симпатизируетъ своей героинѣ, и не безъ основанія. Декадентка Студенцова въ сто разъ привлекательнѣе, чѣмъ другіе типы современнаго русскаго общества новѣйшей формации: практики ученые, красавцы-атлеты, барышни, играющія на биржѣ, меланхолическіе князья-кавалеристы, не находящіе интереса въ кутежахъ, какъ ихъ отцы, но не нашедшіе еще ни въ чемъ пути и цѣли. Романъ «По-другому» собственно не можетъ назваться романомъ; это—калейдоскопъ мелкихъ, но яркихъ сценъ и характеристикъ современнаго общества. Не боясь вычурнаго сравненія, мы назовемъ очерченные легкими штрихами типы Боборыкина свѣжими, влажными негативами, которые беллетристъ-фотографъ наскоро показываетъ читателямъ. Будущій бытописатель и историкъ нашихъ безпорядочныхъ дней найдетъ въ послѣднихъ большихъ романахъ Боборыкина много цѣннаго сырого матеріала. Въ этомъ своеобразная, но несомнѣнная заслуга автора романа «По-другому» передъ русскимъ обществомъ.

Антонъ Чеховъ далъ въ «Русск. Мысли» небольшой, но рѣдкій по силѣ и цѣльности колорита рассказъ «Мужики». Въ немъ—искалѣченный городской жизнью простолюдинъ, лакей московскаго ресторана,—больной,—возвращается умирать въ деревню. Немного найдемъ мы въ нашей литературѣ такихъ могильно-мрачныхъ изображеній деревенскаго быта, какъ въ «Мужикахъ» А. П. Чехова. Даже въ знаменитыхъ «Поддѣлкахъ» въ душѣ Пилы есть чуть замѣтные проблески человѣческаго чувства; въ «Мужикѣ» Чехова нѣтъ человѣка, въ немъ одинъ звѣрь. Болѣзненная жена московскаго лакея, ушед-

шая въ молитву, не можетъ представлять собою живучаго, подающаго свѣтлыя надежды жизненнаго типа. Такія существа—юродивые, аскеты—стоятъ внѣ жизни; на нихъ не отдохнешь душой, не потеплѣешь сердцемъ. Въ «Мужикахъ» Чехова нѣтъ и намека, нѣтъ возможности появленія толстовскаго Акіма. И если бы зналъ высокоталантливый молодой беллетристъ, какъ его опечаленному и приунывшему читателю жаль этого наивнаго Акіма, какъ хочется его, какъ его нужно!..

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», вмѣсто конченной повѣсти г-жи Смирновой, которая, наконецъ, благополучно привела своего героя-путешественника-ислѣдователя къ семейной пристани, освѣщенной яркимъ огонькомъ взаимной любви,—появился очеркъ В. Г. Авсѣенко «Свадебное путешествіе». Въ этомъ недурно написанномъ очеркѣ авторъ весьма наглядно доказываетъ, что нельзя никомъ образомъ вѣрить въ ангельскій характеръ и душевную чистоту барышень-невѣстъ, даже воспитанныхъ самымъ аристократическимъ образомъ. Легкомысленная героиня г. Авсѣенко прямо, такъ сказать, изъ подъ маменькиной дисциплины бросается—horribile dictu—въ Монте Карло, за рулеточный столъ и даже занимаетъ деньги у мало-знакомыхъ мужчинъ!.. Да, послѣ такого инцидента читателя уже ничто не можетъ удивить, даже появленіе В. Г. Авсѣенко въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

Л. И. Гуревичъ тоже окончила свое «Плоскогорье»... Объ этомъ романѣ даже какъ-то страшно писать,—такіе въ немъ все большые, изломанные характеры; а между тѣмъ встрѣчаются очень талантливо написанныя мѣста. Не безъ нѣкотораго вкуса по всему произведенію разсыпаны крупицы пріаго протоколизма въ духѣ Зола. Въ общемъ, какъ оно ни странно,—этому дамскому роману приходится пожелать поменьше сухости и разсудочности.

Перейдя къ рассказу З. Гиппиусъ «Среди мертвыхъ», мы прежде всего останавливаемся предъ необычайно страннымъ выборомъ обстановки, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и такими же странными дѣйствующими лицами. Г-жа Гиппиусъ ведетъ насъ за своей героиней, дочерью кладбищенскаго смотрителя, на кладбище. Это еще ничего; у Э. Ожешко въ «Сидьвекѣ» сначала тоже фигурируетъ это невеселое мѣсто. Но у г-жи Гиппиусъ все изысканно-необычайно. Героиня, которую такъ и хочется сравнить съ могильнымъ цвѣткомъ, влюбляется въ мраморный